

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М.С. Жук*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов становления и трансформации институтов уголовного права в законодательстве России XX–XXI вв., а также анализу развития научной мысли по их сущности и систематизации. Автор рассматривает факторы, оказавшие влияние на этот процесс на различных его этапах, дает оценку первым кодифицированным нормативным актам Древней Руси. В результате предпринятой попытки определить основные этапы эволюции институтов отечественного уголовного права он приходит к выводу, что в истории отчетливо выделяются два неравноценных по продолжительности, но повторяющих друг друга по содержанию цикла: первый — с X по начало XX вв.; второй — с 1917 г. по настоящее время.

В силу логики правового развития первыми в истории уголовного права формируются институты его особенной части, что обусловлено первоочередной потребностью в наличии номенклатуры запрещенных проступков, в установлении наказаний за их совершение. Институты общей части возникают позже, когда наука смогла выработать определенные теоретические абстракции, идеальные представления о преступлении и наказании.

В статье анализируются труды известных российских ученых-юристов, которые были посвящены изучению источников уголовного права Российского государства, существовавших на протяжении рассматриваемого периода, заложивших основу для повышения качественного уровня кодификации правового материала.

Автор делает заключение, что российское законодательство вплоть до середины XX в. не знало периода, когда бы все уголовно-правовые институты были сосредоточены в одном нормативном акте. Однако многовековой опыт по систематизации законодательства послужил основой для развития научной мысли на современном этапе истории.

Ключевые слова: юриспруденция, институт, право, норма, предписание, кодификация, наказание, преступление, источник, развитие.

Историко-правовой метод давно и прочно вошел в методологический арсенал отечественной уголовно-правовой науки. Значимость его использования была отмечена уже в первых русских учебниках по

уголовному праву. А.Ф. Кистяковский, например, писал, что «только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его

© Жук Максим Сергеевич

* Кандидат юридических наук, прокурор Центрального округа г. Краснодара прокуратуры Краснодарского края

[zhuk.maksim@mail.ru]

350063, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Советская.

в предшествовавшие периоды»¹. Не изменилась оценка исторического метода и через столетие после приведенного высказывания. Видный российский историк Л.В. Черепнин замечает, что «история всегда современна и злободневна. Каким бы отдаленным отрезком времени она ни занималась, через него она видит путь к сегодняшнему дню, а через сегодняшний день — в будущее»².

В современной уголовно-правовой науке история российского уголовного законодательства и права представлена в достаточной степени полно. Однако имеющиеся наработки посвящены по преимуществу либо истории отдельных уголовно-правовых институтов и норм, либо выяснению хронологии и общих закономерностей эволюции уголовного права. Работ, в которых бы анализировался опыт институционализации норм уголовного права, в библиографии практически нет. Заметным исключением является работа В.П. Коняхина, в которой дан ретроспективный анализ формирования и развития институтов уголовного права (однако в силу специфики решаемых задач предмет исследования ограничен лишь институтами Общей части уголовного права)³, а также исследование А.И. Бойко, содержащем в одном из разделов очерк структурной эволюции отечественного уголовного законодательства X–XX вв.⁴ Вместе с тем их наличие нельзя признать в полной мере достаточным, в том числе и потому, что познание истории институтов уголовного права не является в этих сочинениях основной целью.

Изучение истории законодательного формирования институтов уголовного права ввиду многоаспектности проблемы с необходимостью требует установления некоторых ограничений. В рамках настоящей статьи по объективным причинам автор лишен возможности проследить содержательную эволюцию каждого из уголовно-правовых институтов, а потому считает возможным обратить внимание лишь на один срез проблемы, а именно на внешнее выражение системы уголовно-правовых институтов в отечественном законодательстве. В связи с тем, что одним из признаков право-

вого института является его обособление в качестве самостоятельной структурной единицы закона, то история уголовно-правовых институтов становится близка истории создания уголовного законодательства и его кодификации. В то же время полностью эти два направления историко-правовых исследований не совпадают, что обуславливает необходимость определенных оговорок и уточнений, которые будут сделаны в дальнейшем изложении.

Анализ историко-правовых аспектов какой-либо темы в юриспруденции традиционно начинают с Русской правды. При этом зачастую упускается из виду, что наряду с ней, а в особенности до ее издания, регулирование общественных связей осуществлялось при помощи норм неписаного, обычного права. В одном из первых письменных источников по истории Отечества — Лаврентьевской летописи — читаем, что славянские племена «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав»⁵. Обычай есть выработанное самим обществом, аутентичное выражение мнения этого общества о правилах поведения в той или иной ситуации. В силу присущего демократизма он не требует особой системы приневоливания для его соблюдения, реализуется людьми в силу того, что создан самим обществом. «Эти бессознательно установившиеся стародавние обычаи, — отмечал Н.М. Коркунов, — имеют на своей стороне всегда интерес определенности. Они, как старые, всем известные, всем привычные, устойчивее и определеннее всякой новой юридической нормы»⁶.

Для своего времени обычаи были эффективным и достаточным средством нормативной регламентации общественной жизни. Однако вряд ли можно говорить, что обычные нормы (их группы) способны были быть дифференцированными на какие-либо отдельные нормативные институты. Обычай в большей степени носил универсальный, обобщенный и комплексный характер. Для того чтобы обычные нормы могли составить тот или иной правовой институт, они, во-первых, должны были приобрести характер именно правового обычая, а во-вторых, сами должны были быть институциализированы. Соответствующая эволюция происходит несколько позднее и сопровождается переводом обычаев в ранг писаных норм права.

На определенном этапе исторического развития обычаи перестают соответство-

¹ Кистьяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1882. С. 10.

² Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 272.

³ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 15–75.

⁴ Бойко А.И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. 3. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов-н/Д, 2008. С. 16–42.

⁵ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и суздальская летопись по академическому списку. Воспроизведение текста изд. 1926–1928 годов. М., 1962. С. 14.

⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Кн. 1. Понятие права. СПб., 1914. С. 120.

вать новым условиям и потребностям общественной жизни. «Они представляются при изменившихся условиях общественных отношений неудобными, стеснительными и чем дальше, тем больше. Все сильнее и сильнее дает себя чувствовать потребность заменить их новыми, сознательно выработанными и более соответствующими современным условиям жизни, юридическими нормами»⁷. Начало писаного нормотворчества на Руси обоснованно связывается с X–XI вв., со временем заключения договоров с Византией и появлением Русской правды.

В отечественной и зарубежной юридической науке было высказано мнение о том, что на первых порах своего существования Русское государство не знало уголовных законов, уголовного права. Так, американский исследователь Д. Кайзер считал, что до XIII в. на Руси действовали «горизонтальные» правовые связи, что предполагало разрешение всех уголовных и гражданских дел заинтересованными сторонами без участия государства. И только после XIII в. устанавливаются «вертикальные» связи, когда эти дела начинают решать государственные органы и должностные лица, что приводит к появлению публичных отраслей права, в том числе уголовного⁸.

Еще более поздний срок появления уголовного права называл Г. Оппенгеймер. По его мнению, «только в Судебнике Ивана III ... начинаем встречать постановления о публичных преступлениях»⁹. Однако эти высказывания не получили широкой поддержки в силу недостаточной аргументации и противоречия источникам. На заре государственности русские столкнулись с народом весьма высокой культуры — византийцами и должны были установить с ними правовые отношения, в том числе и уголовно-правовые. Уже Договор князя Олега с греками (911 г.) свидетельствует о том, что русское общество при разборе обид и преследовании преступников не допускало самоуправства и требовало суда. Договоры 911 и 941 г. содержали ряд уголовно-правовых запретов, основанных на естественных законах физической и психической природы. Это позволяет говорить, что они явились исходным моментом в развитии русского уголовного права. Специфика же его заключалась в том, что «у племен, живущих

политически раздробленными общинами и родами, содержание уголовного права выражается в карательной системе, а действие уголовного права ограничивается лицами, составляющими общину или род»¹⁰.

Анализируя ранние уголовно-правовые предписания, важно отметить, что древнерусское государство, как и большинство иных государств того времени, не знало единства уголовно-правовой юрисдикции. Не принимая во внимание наличие юрисдикции удельных князей и землевладельцев, мы можем говорить о наличии на Руси эпохи феодализма двух центральных систем судопроизводства: светской и церковной, каждой из которых было присуще свое законодательство и своя собственная категория подсудных дел.

Судебная власть церкви не была присуща ей имманентно, она приобреталась ею под влиянием различных исторических и политических условий. Оценивая это обстоятельство, следует помнить, что в России обладание церковью уголовно-правовой и гражданско-правовой властью, по словам исследователя церковного права М.И. Горчакова, «приносило несомненную пользу народам; через это церковь вносила в его жизнь начала христианской цивилизации»¹¹. В течение XI в. церковная организация на Руси существенно расширила сферу своих интересов, претендуя на решение вопросов, не связанных непосредственно с культом. Я.Н. Шапов по этому вопросу писал: «Церкви на Руси в X–XII вв. удалось нащупать эти сферы права, которые государство, княжеская власть оставили вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия»¹². Размежевание сфер судопроизводства между государством и церковью определялось в церковных Уставах князя Владимира Святославича (X в.) и князя Ярослава (XI в.). Так, ст. 6 Устава Владимира содержала отказ самого князя и его потомков от вмешательства в церковную юрисдикцию: «А ты не ступают ни дети мои, ни внуки мои, ни род мои в люди церковные и во все суды»¹³. При этом к церковной юрисдикции относились такие предметы, которые имели весьма существенное значение в гражданской и государственной жизни.

⁷ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 120.

⁸ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 18, 22.

⁹ Оппенгеймер Г. Исторические исследования о происхождении наказания // Новые идеи в правоведении. Сб. третий. Эволюция преступлений и наказания. Спб., 1914. С. 69.

¹⁰ Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М., 1908. С. 143.

¹¹ Горчаков М.И. Церковное право: краткий курс лекций. Спб., 1909. С. 215.

¹² Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 101.

¹³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 140.

Обладание церковью судебной властью детерминировало активизацию работы служителей культа по составлению собственной правовой базы. Ее основу составили византийские сборники канонического права; снабженные византийскими и русскими комментариями, переработанные с учетом специфики русского общества, они получили на Руси название Кормчих книг. Кормчие книги действовали в одно время с Русской правдой (кстати, и долгое время после нее); эти два нормативных правовых акта существенным образом дополняли друг друга. При этом не следует считать, что Кормчие книги — исключительно церковный нормативный акт. «В кормчих русское духовенство, а может быть и сами князья, видели общий юридический кодекс законов не только церковных, но и гражданских; к ним прибегали для решения важных юридических вопросов не только церковных, но и светских», — писал И.Д. Беляев¹⁴.

Кормчая книга и Русская правда — правовые памятники примерно одного времени, но они не являлись единственными источниками уголовного права. Многие важные нормы содержались в упомянутых церковных Уставах, из которых наибольшее значение имел Устав Ярослава. Развивая заложенные в Уставе князя Владимира идеи, он не только определил перечень дел, подлежащих суду церкви, но и сформулировал ряд составов правонарушений и установил за них санкции. Церковные уставы действовали также параллельно с Русской правдой, дополняя друг друга. Сравнивая Устав Ярослава и Русскую правду, Я.Н. Шапов писал, что они рассматривали два различных круга отношений: один — в основном межклассовые конфликты (Русская правда), другой — внутриклассовые, которые не представляли угрозы общественному строю (Устав Ярослава)¹⁵.

Таким образом, уголовное право Древней Руси, не будучи сведенным в единый нормативный акт, в качестве своих источников имело упомянутые международные договоры, Русскую правду, церковные Уставы русских князей, Кормчую книгу. Регулируя определенные участки общественных отношений путем установления ряда уголовно-правовых запретов, указанные акты в совокупности с обычаями составляли весьма стройную, отвечающую уровню развития общества и государства систему уголовно-правовых норм.

Важно заметить, что светские и канонические источники, хотя и были самостоятель-

ными, тем не менее в реальной жизни своим содержанием взаимно обогащали и дополняли друг друга. Приведем в качестве примера институт преступления. Для обозначения преступления Русская правда использует термин «обида», которым обозначался обычно вред, причиняемый какому-либо частному интересу, правам отдельного лица. По очевидным причинам определения «обида» Русская правда не содержит. Не были в ней представлены и какие-либо нормативные положения о признаках преступления. Документ в рассматриваемой части содержит лишь первые неявные попытки категоризации преступлений исходя из признаков объекта посягательства (личность и собственность) и степени тяжести, определяющей размер наказания. Этот пробел с успехом восполнялся каноническим правом. Важные положения о признаках преступления можно обнаружить в Номоканоне, который был основой и составной частью Кормчей книги¹⁶. Каноническое право в своем учении о преступлении исходило из того, что любое преступление есть грех; а грех, в свою очередь, — это «реченное или сотворенное или вожденное противу закону вечному». Преступление относится к категории не первородного, а «действительного» греха. Суть последнего заключается в том, что «его же мы самим творим», он — есть «преступление закона, или естественного... или словом откровенного». Иными словами, преступление как действительный грех представляет собой в церковном праве творимое человеком нарушение естественного или писаного закона. Исследуя признаки преступления — греха, церковь обращала внимание на вопросы воли преступника, его вины: грех может быть «вожденный, иже свободного волею сотворен есть» и «невожденный... от несмышления совершися лукавое или небрежением благое не содеяся». «Воля» и «несмышление» выступают критериями оценки степени тяжести греха, а следовательно, и основой для классификации преступлений по степени опасности. Грех может быть тяжким и легким. «Тягчайший же и меньший грех мнится или от вины действующия, от нея же сотворится, или от нрава, или от действий, или от места, и от облажащаго, или от времени, или от стений и иных обстоящих...». Как видим, канонические источники довольно успешно восполняли светское уголовное право в части учения о преступлении положениями о свободе и направленности воли, вине, ее степени, категоризации деяний по степени опасности и т.д.

¹⁴ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 303.

¹⁵ Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 291.

¹⁶ Розенкамф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 72–75.

Такое «сотрудничество» светской и церковной правотворческой практики вполне объяснимо и оправдано. Акцентирование на нем внимания позволяет понять, что уголовное право Древней Руси, с одной стороны, еще не было обособлено от правовых предписаний иной отраслевой принадлежности, а с другой стороны — было представлено во множестве светских и канонических источников, которые лишь во взаимодействии составляли нормативную основу для дальнейшего развития уголовно-правовых норм и институтов.

В содержательном отношении уголовно-правовые нормы древнерусского государства представляли собой по преимуществу предписания об ответственности за те или иные конкретные преступления. Предписания, которые сегодня принято относить к Общей части уголовного права, появляются в составе уголовных законов достаточно поздно, что объясняется внутренними законами развития уголовного права, по которым изначально оно состояло исключительно из предписаний о недопустимости того или иного варианта поведения (норм Особенной части). Обобщенные правила об ответственности и наказании появились лишь в тот момент, когда, обобщая практику создания и применения уголовного законодательства, наука смогла выработать определенные теоретические абстракции, идеальные представления о преступлении и наказании.

Уголовное право средневековой Руси и не могло знать Общей части, однако правовые запреты были разработаны в нем весьма подробно. При этом важно отметить, что изложение правовых запретов в тексте документов не было хаотичным, а подчинялось определенной логике. Так, в Пространной редакции Русской правды можно обнаружить компактное изложение уголовно-правовых норм по нескольким тематическим разделам: ст. 3–8 составляют раздел об ответственности за убийство на территории верви; ст. 11–17 — раздел, устанавливающий ставки штрафа за убийство представителей различных социальных групп, связанных с княжеским хозяйством; ст. 23–26 — раздел об оскорблениях; ст. 27–31 — положения об ответственности за иные преступления против личности (членовредительство, нанесение ранений); ст. 41–46 — предписания об ответственности за различные виды краж; ст. 83–84 — раздел об уничтожении или повреждении чужого имущества¹⁷. В Пространной редакции церковного Устава князя Ярослава в ст. 8–29 компактно излагаются различные предписания

об ответственности за нарушения в брачно-семейных отношениях¹⁸.

Аналогичный прием изложения правового материала, подсказанный законами элементарной логики и практическими соображениями, сохранился и в последующих нормативных актах русского средневековья. Развитие светского общерусского законодательства в XV–XVI вв. сопровождалось появлением Судебников 1497 и 1550 г. Эти акты содержали в основном нормы процессуального права. Однако и в них можно обнаружить некоторые уголовно-правовые предписания, причем сгруппированные иногда довольно компактно. Так, ст. 8–11 Судебника 1497 г., ст. 55–56 Судебника 1550 г. содержат нормы об ответственности за кражу; ст. 59–61 Судебника 1550 г. — нормы об ответственности за убийство¹⁹. В совокупности с некоторыми иными предписаниями уголовно-правового характера (о пределах действия закона во времени — ст. 97, 98 Судебника 1550 г.; о множественности преступлений — ст. 13 Судебника 1497 г. и др.) эти положения Судебников образовывали весьма значимую часть данных кодексов феодального права. Анализируя их, Б.А. Романов пришел к выводу, что ст. 52–61 Судебника 1550 г. являются, по сути, уложением о наказаниях по уголовным делам²⁰.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм и институтов в России связано с изданием Уложения царя Алексея Михайловича (Соборного Уложения) 1649 г. и с Новоуказными статьями о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г.

Как и его предшественники, Соборное Уложение представляло собой межотраслевой акт. Однако оно качественно отличалось от всех документов ранних эпох как по предмету охватываемых ситуаций, так и в технико-юридическом исполнении. Соборное Уложение — «самое крупное предприятие века», по словам А.А. Кизеветтера; разработанные в нем вопросы «сводились в сущности к одной потребности: к лучшему ограждению гражданских прав силою закона»²¹. А это потребовало и соответствующего оформления правового материала.

¹⁸ Там же. С. 189–193.

¹⁹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 54–62, 97–120.

²⁰ Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.–Л., 1952. С. 60, 272.

²¹ Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. Ростов–н/Д, 1904. С. 10, 14.

¹⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 64–73.

В Уложении 1649 г. впервые в отечественной правовой традиции правовые нормы не просто письменно фиксировались в отдельных статьях кодекса, но и группировались в отдельные главы. Уложение содержало 25 глав и 967 статей²². Уже из названия этих глав прослеживается вполне зрелое законодательное решение о классификации всех преступлений по объекту посягательства, что служит одной из необходимых предпосылок формирования полноценных институтов нормативных предписаний Особенной части уголовного права. Глава 1 «О богохулниках и о церковных мятежниках», гл. 2 «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать», гл. 3 «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было», гл. 4 «О подпизикех, и которые печати подделывают», гл. 5 «О денежных мастерех, которые учнут делати воровские денги», гл. 21 «О розбойных и о татиных делех», гл. 22 «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание» представляют собой системное изложение ключевых институтов Особенной части уголовного права. При этом важно, что внутри каждой главы также прослеживается определенная группировка нормативного материала, хотя и без дополнительной рубрикации. Например, в гл. 22, состоящей из 26 статей, последовательно излагаются нормы, предусматривающие ответственность за преступления: детей против родителей (убийство, насилие, ограбление, жалобы на родителей верховной власти); против жизни и здоровья господина со стороны лица, служащего у него; против жизни, свободы и половой неприкосновенности женщин; против общественной нравственности.

Наряду с развитием идеи систематизации нормативного вообще и уголовно-правового материала в частности Соборное Уложение сделало значительный шаг вперед в деле формирования нормативных предписаний будущей Общей части уголовного права. В нем встречаются важные предписания относительно неоконченного преступления, соучастия в преступлении, обстоятельств, исключаящих преступность деяния, и др. В силу логики правового развития эти положения не получали обобщающего характера и были «привязаны», как правило, к нормам об ответственности за те или иные отдельные преступления.

Историки и современные исследователи высоко оценивают качественные характери-

стики Соборного Уложения, обоснованно признавая его не только крупным правовым памятником, но и документом высокого уровня технического исполнения. Это позволило Уложению выполнять роль основного источника права на протяжении более двухсот лет. Даже активная законотворческая деятельность Петра I, издавшего в сфере уголовного права 392 указа²³, не поколебала статус Уложения. В 1714 г. Петром I издается специальный указ, признающий Соборное Уложение в качестве единственно верного источника уголовного права²⁴.

Эпоха Петра I, характеризовавшаяся ломкой традиций московского государства и зарождением новой европеизированной российской культуры, ознаменовалась в истории уголовного права прежде всего изданием в 1715 г. Артикула Воинского²⁵. Несмотря на некоторые «чужеродные» вкрапления, Артикул был, по преимуществу, уголовно-правовым актом. А.А. Герцензон называл его «в полном смысле Уголовным кодексом без общей части, каковой в то время не было и в западно-европейских уголовных кодексах»²⁶.

Этот нормативный акт строго систематизировал содержащиеся в нем 209 статей в 24 главы. Расположение глав демонстрирует вполне отчетливую иерархию социальных ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране в стране. По современной терминологии, первые две главы содержали перечень религиозных преступлений, гл. 3 — государственные, гл. 4–16 — воинские, гл. 17 — посягательства на государственную и общественную безопасность, гл. 18 — против чести и достоинства, гл. 19 — посягательства на жизнь, гл. 20 — половые преступления, гл. 21 — посягательства на собственность, гл. 22–24 — преступления против порядка управления и правосудия.

Что касается положений Общей части уголовного права, то они, хотя и расширились в содержательном плане за счет новых норм (об исполнении приказа, о лишении права как новом виде наказания и др.), тем не менее, как и в предыдущих источниках, не были сгруппированы в какую-либо отдельную часть текста Артикулов и жестко излагались в связи с теми или иными предписаниями Особенной

²³ Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 16.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Спб., 1830. Т. 5. Ст. 2828 (С. 116). Ст. 3435 (С. 737).

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. Ст. 7226.

²⁶ Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Миньшагина. М., 1948. С. 76.

²² Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

части.

Оценивая Артикул Воинский с точки зрения истории институтов уголовного права, важно отметить, что он, будучи в дальнейшем распространенным практически на все общеуголовные и политические преступления, изначально создавался как кодекс именно военно-уголовного права. Преамбула гласит: «Повелеваем всем обще Нашим Генералом, Штаб, Обер и ундер-Офицерам и салдатам, как подданным, так и чужестранным, в службе нашей пребывающим, покорным и послушным быть по своей должности, и все пункты сего артикула право исполнять». Таким образом, в Артикуле Воинском мы впервые встречаем успешный опыт институциональной кодификации норм военно-уголовного права, действовавших параллельно с общегражданским уголовным кодексом (Соборным Уложением). Характерно, что эти два документа не исчерпывали собой всех светских источников уголовного права. Наряду с ними издавались и действовали иные акты уголовно-правового содержания, например Указ 1726 г. «О подметных письмах»²⁷.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства России связано с преемниками Петра и прежде всего с правлением Екатерины Великой. Ее эпоху и реформы замечательно точно охарактеризовал А.А. Кизеветтер: «Механизм управления, распорядок общежития, характер образованности — все это мало-помалу отдалялось от прадедовских заветов и принимало новые формы, приближающиеся к европейским образцам. Пусть эти перемены не проникали вглубь народной жизни, пусть европейская полировка ложилась тонкой коркой поверх многовековой старины, и еще сохраняла всю силу своей живучести. Но и поверхностных, внешних перемен в строе управления и формах общежития было достаточно для того, чтобы старое Уложение уже перестало удовлетворять и утратило практическую пригодность»²⁸.

В постпетровскую эпоху (вплоть до начала XIX в.) не было создано крупных кодифицированных уголовно-правовых актов. Уложение 1649 г. и Артикул 1715 г. оставались основными источниками отрасли. Однако с царствования Петра I начинается активная работа по содержательному обновлению российских законов и их систематизации. Попытки кодификации российского права предпринимали сам Петр I, Ели-

завета. Но, пожалуй, наиболее заметной в истории была работа над составлением нового Уложения комиссии, созванной при Екатерине II. Она знаменательна прежде всего знаменитым Наказом Екатерины²⁹, который обрисовывал философию нового уголовного законодательства. Вряд ли можно проводить прямые параллели между содержанием Наказа и структурированием уголовно-правовых институтов. Одно из главных положений наказа в части систематизации уголовно-правовых норм состоит в признании их строгой дифференциации от норм иной отраслевой принадлежности, сведении их в единый кодекс, содержание которого было бы понятно рядовым гражданам.

Если анализировать с точки зрения развития институтов уголовного права конкретные нормативные акты, изданные Екатериной II, то в их числе следует, на наш взгляд, особо выделить два документа.

Во-первых, акт, институционализирующий нормы об уголовной ответственности несовершеннолетних, — Указ от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступников»³⁰. В нем впервые в отечественном уголовном праве получил относительно полное закрепление комплекс нормативных предписаний, определявших возраст начала уголовной ответственности, дифференцировавших виды и размер применяемых к несовершеннолетним наказаний в зависимости от тяжести совершенного преступления и возраста виновного. На наш взгляд, есть все основания в этом Указе видеть первый опыт институциональной кодификации норм об уголовной ответственности несовершеннолетних в России.

Во-вторых, Устав благочиния или полицейский 1782 г.³¹ Документ не только заложил основы полицейского права в России, но и впервые предпринял попытку (которая будет развита в дальнейшем) на институциональном уровне разграничить все общественно опасные противоправные деяния на две большие категории — преступления и проступки. Последние в нем понимались как деяния, «узаконению противные или обществу вред приносящие». Являясь комплексным сводом законодательства, Устав среди прочих положений содержал перечень таких

²⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. С. 492–496.

²⁸ Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 16.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 18. Ст. 12949.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 17. Ст. 12424.

³¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 21. Ст. 15379.

проступков, которые как менее опасные деяния подлежали не судебному, а полицейскому преследованию.

Развитие отечественного законодательства в X–XVIII вв., как было показано, привело к появлению множества уголовно-правовых актов и отдельных норм, имевших зачастую бессистемный и разрозненный характер. Обусловленная сложностью их применения, потребность практики в едином универсальном уголовном законе, возникшая на фоне становления отечественной уголовно-правовой науки, была удовлетворена в процессе длительной и кропотливой работы многочисленных комиссий по составлению Свода законов Российской империи. Итогом деятельности последней из них, возглавляемой бароном Розенкампом, а затем графом М.Н. Сперанским, стало издание, наряду с прочими, в 1832 г. тома XV Свода законов, объединившего свыше полутора тысяч уголовных законов, принятых в России начиная с 1649 г.³² По мнению некоторых специалистов, Свод не был самостоятельным законом, а имел лишь значение аутентичного толкования прежних законодательных актов. Однако Государственный Совет 19 января 1833 г. постановил считать Свод «законом, коим должно руководствоваться исключительно», а потому сомнений в его нормативной природе быть не должно³³. Том XV Свода законов не только подвел черту предшествующему этапу развития русского уголовного законодательства, но и во многом определил ориентиры его дальнейшей эволюции.

В томе XV Свода законов содержались все действующие на момент его составления законодательные положения, касающиеся вопросов преступления и наказания. Он состоял из двух книг: первая имела материально-правовое содержание, вторая — процессуальное. Тем самым впервые четко в общем своде нормативных актов уголовно-правовые нормы были отделены от предписаний иной отраслевой принадлежности. Книга первая тома XV Свода была, по сути, полноценным кодифицированным уголовно-правовым актом.

В структурном отношении этот кодекс учел все передовые технические наработки, воплощенные к тому времени в австрийском (1768), французском (1810), баварском (1813) уголовных кодексах. Речь идет прежде всего о строгом делении всех содержащихся в нем положений

на Общую и Особенную части. В первом разделе книги первого тома XV Свода была обособлена Общая часть уголовного закона, насчитывавшая 181 статью и представленная семью главами. Разделы со второго по одиннадцатый были посвящены проблемам Особенной части и насчитывали 584 статьи.

Статьи объединялись в отделения (иногда отделения состояли из подразделов), отделения — в главы, главы — в разделы. Объемность анализируемого нормативного акта не позволяет в рамках статьи привести подробный перечень наименований всех отделений и глав с тем, чтобы проследить позицию законодателя относительно содержания и системы институтов уголовного права. Отметим лишь, что в целом логика кодекса созвучна и современным представлениям о структуре уголовного права. Имеющиеся же особенности обусловлены уровнем развития самого уголовного права. Так, нормы об ответственности несовершеннолетних сосредотачивались в институте назначения наказания; в институте обстоятельств, исключающих производство по делу и наказание, объединялись предписания о случае, обстоятельствах, исключающих преступность деяния, невменяемости; институт предписаний о действии уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц помещался не в начале, а в конце Общей части. Были и другие особенности.

Книга первая тома XV Свода законов 1832 г., конечно же, была небезупречна, что признавалось и ее современниками. Тем не менее, по справедливым оценкам современных специалистов, кодекс был достаточно совершенен, в том числе и с позиции его структурного оформления, не уступая и даже превосходя некоторые западноевропейские аналоги того времени³⁴.

Свод законов, несмотря на свой великий объем, не охватил всего законодательства Российской империи. Среди интересующих нас предписаний уголовно-правового характера стоит отметить обособленное существование Свода военных постановлений 1839 г., который в части шестой содержал Устав военно-уголовный (книга 22 «Воинский Устав о наказаниях»), и Свода морских уголовных постановлений 1851 г., который содержал книгу 1 «О преступлениях и наказаниях»³⁵. Их наличие свидетельствует о сохраняющейся традиции самостоятельной институциональной кодификации норм военно-уголовного права.

³² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Законы уголовные. СПб., 1832.

³³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 278.

³⁴ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002. С. 45.

³⁵ Развитие русского права в первой половине XIX в. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. М., 1994. С. 33.

Дальнейшее развитие правовой системы России происходило на основе Свода законов Российской империи. Работа по исправлению Свода и составлению нового уголовного закона началась практически сразу после его издания, была обусловлена во многом тем обстоятельством, что Свод 1832 г. не столько создавал нормы, адекватные экономическим и социально-политическим условиям России первой половины XIX столетия, сколько упорядочивал и систематизировал уже имевшееся законодательство.

Активная и продолжительная законопроектная деятельность, начавшаяся в декабре 1836 г. с пересмотра тома XV Свода законов издания 1832 г., возглавляемая графом Сперанским, а затем графом Блудовым, завершилась утверждением в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных³⁶.

Уложение о наказаниях является первым полноценным кодифицированным уголовно-правовым актом. В нем в основном сохранен подход к изложению правового материала, использованный еще в Своде законов 1832 г.: оформлена Общая часть, приведена рубрикация на разделы, главы, отделения. В то же время структура Уложения не была равномерной. Все образующие его разделы состояли из глав, главы иногда состояли из отделений (иногда — нет), а отделения могли состоять из подотделов. Учитывая это, нет возможности жестко привязать ту или иную структурную единицу текста закона (например, отделение или главу) к институту как структурной части уголовного права. Некоторые институты получали внешнее оформление в отделении кодекса, другие — в главе или даже в разделе. Так, институт преступлений против порядка управления был сосредоточен в разделе четвертом, который к 1885 г. насчитывал восемь глав. В то же время раздел восьмой Уложения издания 1885 г. предусматривал несколько вполне самостоятельных уголовно-правовых институтов, сосредоточенных в его отдельных главах (гл. 1 «О преступлениях и проступках, против постановлений, ограждающих народное здравие», гл. 2 «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», гл. 3 «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановления» и т.д.; всего 14 глав и 14 институтов). А, к примеру, гл. 2 раздела первого Уложения, содержала указание на четыре самостоятельных института, оформленных в отделениях этой главы (отделение первое — «О родах,

степенях и последствиях наказания», отделение второе — «О вознаграждении за вред и убытки», отделение третье — «Особенные наказания за преступления и проступки по службе», отделение четвертое — «О замене одних наказаний другими»).

Подобное решение, которое с современных позиций может быть оценено как изъясн Уложения, вполне объяснимо и продиктовано, как представляется, особенностями начального периода научной систематизации уголовного законодательства, связано с относительно невысоким уровнем теоретической разработки проблем структуры права и закона. Гораздо важнее отметить, что просчеты технической стороны компенсировались вполне удачным внутренним наполнением уголовно-правовых институтов, строгой предметной направленностью каждой структурной части Уложения исходя из господствовавших представлений о правовом значении тех или иных обстоятельств совершения преступления и объекта посягательства.

Рассматривая историю институтов уголовного права, стоит обратить внимание, что Уложение 1845 г. в первоначальной редакции объединило в себе нормы и о преступлениях, и о проступках, что может быть оценено как определенный шаг назад, принимая во внимание опыт действия Устава благочиния. Это законодательное решение было исправлено в 1864 г. в связи с изданием Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями³⁷, регулировавшего вопросы ответственности за уголовные проступки. Тем самым была вновь подтверждена идея самостоятельной институциональной кодификации малозначительных преступлений.

Уложение 1845 г. и Устав 1864 г., постоянно изменяясь, оставались главными уголовно-правовыми источниками вплоть до начала XX столетия. Однако требования совершенствования уголовного законодательства, приспособления его к изменяющимся условиям жизни, обеспечения научности и другие обстоятельства обусловили российского законодателя в конце позапрошлого века приступить к работе по составлению нового Уголовного уложения, которое в 1903 г. подписано императором, но так окончательно и не вступило в силу. Современная российская юриспруденция высоко оценивает данный нормативный акт. В связи с недавним столет-

³⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.

³⁷ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. С доп. по прод. 1906 и 1908 гг., с прилож. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената. Издано Н.С. Таганцевым. Изд. 18, доп. СПб., 1909.

ним юбилеем этого кодекса в печати появилось множество публикаций, посвященных отдельным его нормам и институтам³⁸. Мы же обратим внимание на его структуру, как показатель номенклатуры содержащихся в законе уголовно-правовых институтов.

Общая часть Уложения была представлена в гл. I «О преступных деяниях и наказаниях вообще», которая включает восемь отделений, последовательно излагавших общие положения, а также нормы о пространстве действия уголовного уложения (отд. 2), о наказаниях (отд. 3), об условиях вменения и преступности деяний (отд. 4), о видах виновности (отд. 5), о смягчении и замене наказаний (отд. 6); об обстоятельствах, усиливающих ответственность (отд. 7); об обстоятельствах, устраняющих наказуемость (отд. 8).

Особенная часть Уложения охватывала гл. со второй по тридцать седьмую и содержала указание на отдельные институты о преступлениях: о нарушении ограждающих веру постановлений; о бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома; о государственной измене; о смуте; о неповиновении власти; о противодействии правосудию; о нарушении постановлений о воинской и земских повинностях; о нарушении постановлений, ограждающих народное здравие; о нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность; о нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние; о нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие, и т.д.

³⁸ Наумов А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестн. Московск. ун-та. 1993. № 5; Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и истории создания // Правоведение. 2003. № 3; Рогов С.Г. Политические преступления по Уголовному Уложению 1903 г. // Вестник СГЭУ «Актуальные проблемы правоведения». 2006. № 3 (21); Борзенков Г.Н. Имущественные преступления в уголовном уложении 1903 г. // Вестн. Московск. ун-та. 1993. № 5; Тюнин В.И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2000. № 4; Перова Г.И. Система наказаний: сравнительный анализ Уголовного Уложения 1903 г. и УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 8–9 апреля 2003 г. Воронеж, 2003; Сергеев С.В. Институт соучастия от Уголовного Уложения 1903 г. до Уголовного кодекса 1996 г. // там же; Смольянинова С.Ю. Государственные преступления по Уголовному Уложению 1903 г. // там же; Кондрашова Т.В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного уложения 1903 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. Вып. 1 (6) и др.

В Уложении 1903 г. воплощены передовые для начала XX в. научные представления о систематизации уголовного законодательства, содержательном наполнении и структурировании правовых институтов. Однако в силу ряда исторических причин ему не суждено было стать полноценно действующим законом. Как верно отмечается в литературе, в смутный период российской истории правящая верхушка предпочла использовать не гласное и уравновешенное законодательство, а чрезвычайное плюс различные временные правила и внесудебную расправу, стала практиковать карательные экспедиции в целях устрашения бунтующего населения³⁹.

Октябрьские события 1917 г. прервали процесс поступательного развития российского общества, став в какой-то мере подтверждением несостоятельности первооснов российского имперства, но и направили его в принципиально новое русло, провозгласив в качестве идеалов социального устройства государственную собственность, равенство сословий и полов, секуляризацию власти и быта. В подобных условиях революционной модернизации страны, предлагавшей решительный и бескомпромиссный отказ от всего, что было связано с монархическим прошлым, коренную перестройку претерпел социальный институт права, в том числе и уголовного.

В силу логики развития революционных преобразований советская власть постепенно исключала царское законодательство из числа источников права. Если Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. допускал возможность судов руководствоваться «старыми законами», если они отменены революцией и «не противоречат революционной совести и правосознанию»⁴⁰, то уже Декрет о суде № 3 от 20 июля 1918 г. полностью исключал дореволюционное законодательство из числа источников советского уголовного права⁴¹.

Уголовное право в первые недели и месяцы существования советской власти, по обоснованному мнению исследователей, в значительной мере характеризуется как «непосредственно-революционное движение широких народных масс», «творящих революционное право». Уголовное право в определенной мере утрачивает черты формальной определенности, демонстрируя возрождение действия обычных норм и нередко

³⁹ Фецыч Г.В. К вопросу подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г. // Проблемы правоведения. Вып. 41. Киев, 1980. С. 45.

⁴⁰ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴¹ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

элементарного самосуда. Декреты советской власти в большей степени направляют это «революционное движение», пропагандируют идеи социализма, указывают на общие задачи борьбы со всеми врагами революции, нежели предписывают конкретные нормы поведения⁴².

Однако советская власть объективно не могла ограничиться подобными актами; она издает декреты, цель которых — дать массам инструкцию о конкретной практической работе. Широкое революционное правотворчество необходимо было конкретизировать и наполнить практическим содержанием. Эти декреты условно можно классифицировать на две группы. К первой следует отнести те, в которых власть предусматривает правовые основания борьбы с наиболее опасными посягательствами на Советское государство (таковы, например, обращения Совета народных комиссаров «О борьбе с буржуазией и ее агентами», «О борьбе со спекуляцией», «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемых Центральной радой», «Об аресте вождей гражданской войны против революции», «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» и ряд других, изданных в ноябре и декабре 1917 г.). Ко второй группе декретов относятся акты, в которых излагаются мероприятия по социалистическому преобразованию России и пути их осуществления (Декреты о национализации земли и промышленности, о введении восьмичасового рабочего дня и рабочего контроля, о налогах, о создании Красной Армии и т.д.). Они также содержат нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость невыполнения мероприятий советской власти.

Еще одной значимой особенностью развития уголовного права в первые постреволюционные годы следует назвать разрушение единой уголовно-правовой юрисдикции на территории страны. «Революционное правотворчество» сопровождалось грубой реформацией судебной системы. До получения декрета о суде революционные массы создают на местах судебные и квазисудебные органы под наименованием «временных народных судов», «судов общественной совести», «следственных комиссий» и т.д. Подобные суды возникают во множестве городов и уездов. Каждый из них получает от соответствующего Совета депутатов Инструкцию с описанием подсудных ему преступлений и проступков. Эти региональные правовые

акты представляет своего рода действующее в пределах уезда уголовное право. Причем в содержательном и техническом плане Инструкции и Наказы выглядят крайне примитивно: допускают смешение уголовно-правового, процессуального и судостроительного правового материала; не содержат положений Общей части уголовного права; не дают четкого описания составов преступлений; не формулируют санкций и т.д.⁴³

Оценивая в целом революционное уголовное правотворчество первых лет советской власти с позиций учения об уголовно-правовых институтах, можно наблюдать значительный регресс формы и структуры уголовного права. Прежде всего следует отметить отсутствие единого уголовно-правового акта и конструирование уголовно-правовых норм, по сути, в межотраслевых законах в качестве охранительных по отношению к содержащимся в них иным, регулятивным, предписаниям. Произошло разрушение сложившейся системы уголовного права, отказ от наработанной веками и теоретически обоснованной традиции изложения уголовно-правовых норм: в едином правовом акте, по строгой схеме (Общая и Особенная часть), в строгой последовательности (от преступления к наказанию, от посягательств на более ценные объекты к менее значимым преступлениям). Кроме того, новая власть фактически отказалась не только от формы, но и от содержания прежнего уголовного закона, причем не только от норм и институтов, которые продиктованы особенностями политической ситуации предреволюционной России начала прошлого века, но и в ряде случаев от тех законоположений, которые, как говорится, «продиктованы самой природой человека». На этом фоне сложно согласиться с выводом В.П. Коняхина о том, что последовавший после Октябрьской революции 1917 г. разрыв легитимной преемственности нового и старого уголовного законодательства вовсе не означал устранения их фактической преемственности⁴⁴.

Пожалуй, единственной попыткой сохранить преемственность в развитии уголовно-правовых институтов до- и послереволюционной России можно считать подготовленный левыми эсерами (состоящими некоторое время в Народном комиссариате юстиции) проект советского уголовного кодекса, составленный на основе Уголовного уложения 1903 г. и получивший название «Инструкция местным и окруж-

⁴² Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948. С. 54–56.

⁴³ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. Указ. соч. С. 102–104 и сл.

⁴⁴ Коняхин В.П. Указ. соч. С. 57–58.

ным народным судам о применении уголовных законов»⁴⁵. Однако по очевидным причинам этот проект остался нереализованным.

Тем не менее объективные законы развития общества требовали от советского государства четких и надежных источников правовых норм и правил поведения, их систематизации. В области уголовного права эта потребность была отчасти удовлетворена изданием Народным комиссариатом юстиции Руководящих начал по уголовному праву РСФСР⁴⁶, которые стали своего рода первым кодексом, сборником норм Общей части уголовного законодательства РСФСР. Представляется, что исторический нонсенс первоочередной систематизации норм именно Общей, а не Особенной части уголовного права, и сам факт существования уголовно-правового документа без описания конкретных составов преступлений во многом объясним доминирующей в то время идеей о возможности противодействия преступности без четкого законодательного перечня преступлений.

Что касается конкретных институтов уголовного права, то в Руководящих началах по уголовному праву, с одной стороны, получили четкое структурное оформление и содержательное развитие институты неоконченного преступления (раздел IV), соучастия в преступлении (раздел V), видов наказания (раздел VI), условного осуждения (раздел VII). С другой стороны, имеются и очевидные просчеты: Руководящие начала включали в себя не только материально-правовые, но и процессуальные нормы (раздел II), неоправданно объединяли в один раздел (III) предписания, образующие самостоятельные институты преступления, наказания, ответственности несовершеннолетних, обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В современной литературе Руководящие начала 1919 г. получили двойственную оценку. Так, если В.П. Коняхин пишет, что, помимо неоспоримых преимуществ технико-юридического характера, Руководящие начала позволили советскому законодателю сразу же достаточно четко сформулировать свою концепцию борьбы с преступностью⁴⁷, то Н.А. Ныrkova указывает, что политика советской власти в части создания Руководящих начал существенно снижает ценность осуществленного структурирования нормативного материала, свидетельствует о формальном подходе к решению

данной проблемы⁴⁸. Конечно, любой оценке свойственен субъективизм. С позиций сегодняшнего дня сложно судить о качестве анализируемого документа. Нам представляется, что он таков, каким только и мог быть первый кодифицированный уголовно-правовой акт нового государства, строящего принципиально отличающуюся от предыдущих исторических этапов уголовную политику, к тому же в большей степени основанную на постулатах не классической, а социологической школы уголовного права.

Руководящие начала 1919 г. стали прообразом Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁴⁹ В нем уже выделялась и Общая часть, состоящая из пяти укрупненных структурных единиц (они не были обозначены как разделы, главы или отделения), и Особенная часть, включавшая в себя восемь глав.

Общей части этого закона были известны практически все ключевые институты уголовного права. Заметной внешней особенностью их оформления стало помещение на первое место группы нормативных предписаний, определяющих пределы действия уголовного закона. В то же время структурное оформление и внешнее выражение иных институтов были еще крайне далеки от совершенства. Так, во второй «главе» Общей части УК пусть и компактно, но без дополнительной рубрикации были изложены нормы, относящиеся к институту преступления (ст. 6, 7), институту наказания (ст. 8), институту неоконченного преступления (ст. 12, 13, 14), институту соучастия (ст. 15, 16), что делало главу громоздкой по объему (19 статей из 56 статей Общей части) и аморфной по содержанию. Кроме этого, институт назначения наказания («глава» 3) предшествовал институту видов наказания («глава» 4); в институт видов наказаний включались предписания об условном осуждении, о принудительном лечении и др.

Что касается Особенной части, то институты отдельных видов преступлений сгруппированы здесь достаточно четко, с соответствующим внешним оформлением и изложены в порядке, определяемом представлениями о социальной ценности того или иного объекта посягательства (государственные преступления, должностные преступления, деяния, нарушающие правила отделения церкви от государства, хозяйственные преступления, посягательства против личности,

⁴⁸ Ныrkova Н.А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующего УК РФ. Ростов-н/Д, 2006. С. 23–24.

⁴⁹ СУ РСФСР 1922. № 15. Историю создания и общую характеристику УК РСФСР 1922 г. см.: Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.

⁴⁵ Указ. соч. С. 66–67.

⁴⁶ СУ РСФСР 1919. № 66. Ст. 590 (С. 640).

⁴⁷ Коняхин В.П. Указ. соч. С. 59.

имущественные, воинские преступления, преступления, нарушающие здоровье населения, общественную безопасность и публичный порядок). Обратим внимание, что в УК 1922 г. впервые в отечественном уголовном праве воинские преступления были включены в общегражданский закон. Тем самым традиция институциональной кодификации норм об ответственности за них была прервана.

Важной чертой рассматриваемого закона нужно назвать также его позицию в отношении особой группы посягательств — «преступлений, составляющих пережитки местных обычаев». В 1924 г. УК был дополнен уникальной главой, в которой предусматривались нормы об ответственности за бытовые преступления, причем создавались эти нормы отдельно для различных автономных республик и областей РСФСР — Киргизской, Туркестанской, Башкирской, Ойратской и Адыгейской, а затем — для Бурят-Монгольской и Казахской⁵⁰. Тем самым один и тот же институт Особенной части уголовного права наполнялся различным содержанием в зависимости от национально-культурных и социально-исторических особенностей территории российского государства⁵¹. Только в 1928 г. уже следующий советский кодекс — УК 1926 г. был дополнен гл. X «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта», которая объединила все изданные ранее по этому поводу предписания и унифицировала содержание института.

Кодекс 1922 г. имел самый маленький объем и самый непродолжительный срок действия из всех кодифицированных российских уголовных законов. В 1926 г. на смену ему пришел новый УК РСФСР⁵². Его Общая часть делилась на разделы, Особенная — на главы. В основном институциональное содержание и форма этого закона повторяла УК РСФСР 1922 г. Отличия были небольшими: в Общей части появились разделы «О задачах уголовного законодательства РСФСР» и «Общие начала уголовной политики РСФСР»; в Особенной — глава «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев».

С точки зрения истории институтов уголовного права важно отметить, что УК 1926 г.

был первым уголовным законом России в качестве одной из республик в составе образованного в 1922 г. СССР. Договор об образовании союзного государства, а затем и Конституция СССР 1924 г. предусматривали наличие у него собственной уголовной юрисдикции в части установления основ уголовного законодательства, наряду с существованием уголовной юрисдикцией союзных республик. Это порождало ряд серьезных теоретических и прикладных проблем, связанных с пониманием содержания и пределов союзного уголовного законодательства. История вопроса о соотношении союзного и республиканского уголовного законодательства изложена в литературе⁵³. Не повторяя ее, отметим, что в итоге к компетенции Союза было отнесено установление законоположений Общей части уголовного права и, кроме того, издание в ряде случаев норм Особенной части, причем нормы об ответственности за государственные и воинские преступления относились к исключительной компетенции союзного государства. Союзные уголовно-правовые нормы должны были включаться в Уголовные кодексы союзных республик без изменений и могли быть модифицированы только союзным законодательным органом.

Последующее развитие советского уголовного права и его институтов было связано с изменениями и дополнениями УК РСФСР 1926 г. Именно он служил нормативным прикрытием политических репрессий и иных неправовых по своей сути форм разрешения социальных и политических конфликтов, средством обеспечения экономической основы существования советского государства и его идеологического единства. Активная работа по составлению нового Уголовного кодекса началась в конце 40-х гг. прошлого столетия и завершилась принятием в 1960 г. третьего по счету УК РСФСР⁵⁴.

Его по справедливости надо признать самым совершенным из всех советских уголовных законов, что объясняется прежде всего накопленным опытом уголовного правотворчества, солидной научной основой создания, широким обсуждением предлагавшихся проектов.

В Кодексе получили свое закрепление все современные институты уголовного права, хотя их внешнее, техническое оформление страдало некоторыми неточностями,

⁵⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 180–182, 196–197.

⁵¹ Опыт создания отдельных уголовных законов для различных территорий Российского государства существовал и в империи. Достаточно указать на уголовное право Финляндии. См.: Дусаев Р.Н. Уголовное Уложение Великого княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988.

⁵² СУ РСФСР. 1926. № 80.

⁵³ Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 213–232.

⁵⁴ Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик / отв. ред. Ф.И. Калинычев: в 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 85–165.

если исходить из того, что каждому институту должна соответствовать самостоятельная укрупненная структурная единица текста закона — глава. В частности, справедливо построив Общую часть по логике «от преступления к наказанию», УК тем не менее в одной главе (третьей) объединил нормы: о понятии преступления; об обстоятельствах, исключающих преступность деяния; о неоконченном преступлении и соучастии. В главу четвертую включил нормы о назначении наказания, об освобождении от уголовной ответственности, об освобождении от уголовного наказания. В то же время институт ответственности несовершеннолетних был рассредоточен в двух главах (третьей и пятой), а пятая глава объединяла и институт принудительных мер медицинского характера, и институт ответственности несовершеннолетних.

Более совершенной была в этом отношении Особенная часть уголовного закона. Но и здесь преступления против свободы, чести и достоинства были объединены с посягательствами на жизнь и здоровье; экологические преступления — с хозяйственными; транспортные — с преступлениями против общественной безопасности и порядка. Институт преступлений против собственности был рассредоточен в двух главах, выделенных в зависимости от формы собственности; институт преступлений против семьи и несовершеннолетних также был представлен нормами, содержащимися в различных главах.

С современных позиций такие законодательные решения выглядят не вполне обоснованными. Но они в полной мере отвечали имевшемуся уровню развития науки и законодательной техники. В целом структура УК РСФСР 1960 г. и каркас закрепленных в нем институтов уголовного права вполне удачны, что подтверждается как длительным периодом действия данного закона, так и тем, что многочисленные его изменения и дополнения касались лишь содержательного наполнения институтов и не затрагивали структурного оформления.

Работа по совершенствованию УК РСФСР, проводившаяся на фоне интеллектуального взлета российской уголовно-правовой науки, несомненно способствовала изменению представлений о лучшем структурировании уголовно-правовых институтов. В публикациях того времени начинают звучать мысли о признании самостоятельными уголовно-правовыми институтами множественности преступлений (Е.А. Фролов), соучастия в преступлении (Р.Р. Галиакбаров), об обособлении в самостоятельные главы норм об ответственности

несовершеннолетних (Г.С. Гаверов), об ответственности за транспортные (Н.С. Алексеев), экологические (В.Н. Козак), половые (А.Н. Игнатов) преступления и др. Эти и многие другие работы составили надежный теоретический фундамент дальнейшего совершенствования российского уголовного закона, их выводы нашли непосредственное отражение как в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., в серии проектов УК РФ, созданных после распада СССР, так и в действующем уголовном законе.

Подводя итог анализу исторического опыта нормативного оформления институтов уголовного права, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы.

1. В истории институтов российского уголовного права отчетливо выделяются два неравноценных по продолжительности, но повторяющих друг друга по содержанию цикла: с X по начало XX вв. и с 1917 г. по настоящее время. Каждый из них характеризуется определенными фазами: создание уголовно-правовых норм в законах межотраслевой принадлежности, сведение этих норм в единый акт и их структурирование, последующее развитие уголовно-правовых норм и институтов.
2. В силу логики правового развития первыми в истории уголовного права оформляются институты его Особенной части, что обусловлено первоочередной потребностью в наличии номенклатуры запрещенных поступков, в установлении предписаний, непосредственно ограничивающих произвол отдельных лиц и ограждающих государственную власть. Институты Общей части возникают позже и постепенно: от отдельных норм в институтах Особенной части (примечаний к статьям Особенной части) — к самостоятельным полноценным нормам, имеющим отношение ко всем случаям уголовного преследования.
3. Каждый институт уголовного права в своем «модельном» развитии проходит несколько этапов: появление нормы; ее развитие через формирование специальных, уточняющих, исключительных предписаний; выделение обобщающих для данной группы норм положений; ассоциативное изложение этих норм в тексте нормативного акта; хронологическая подборка однопредметных ассоциаций правовых норм; их редактирование и согласование с иными нормами; закрепление группы норм в структурной части текста уголовного закона.
4. Российское законодательство вплоть до середины XX в. не знало периода, когда бы

все уголовно-правовые институты были сосредоточены в едином нормативном акте. Характерной чертой его развития на протяжении многих веков была самостоятельная институциональная кодификация норм об ответственности за преступления, подсудные церковному суду, об ответственности за воинские преступления, а также об ответственности за уголовные проступки.

5. Истории российского уголовного права известен опыт нарушения территориального единства уголовно-правовой юрисдикции, создания уголовных законов или отдельных уголовно-правовых норм, действие которых ограничивалось определенной частью территории государства, что приводило к различному содержанию наполнению одних и тех же институтов уголовного права. Оправданный

в условиях крайне различающегося уклада отношений на отдельных территориях (Финляндия, Польша, Кавказский край в Российской империи), он был совершенно справедливо нивелирован в советской России по мере выравнивания условий политической и хозяйственной жизни.

6. Оптимальное содержательное наполнение, систематизация и внешнее выражение институтов уголовного права возможны только и исключительно при условии надежной и теоретически выверенной уголовно-правовой теории, качественной научной обработки уголовно-правовой материи, что, с одной стороны, требует соответствующего уровня развития доктрины, а с другой стороны, обязывает правотворческие органы согласовывать свои решения с ее новейшими разработками.

Библиография:

1. Беляев И.Д. История русского законодательства. — СПб., 1999.
2. Бойко А.И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. 3. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. — Ростов-н/Д, 2008.
3. Борзенков Г.Н. Имущественные преступления в уголовном уложении 1903 г. // Вестн. Московск. ун-та. — 1993. — № 5.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-н/Д, 1995.
5. Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. — М., 1948.
6. Горчаков М.И. Церковное право. Краткий курс лекций. — СПб., 1909.
7. Дусаев Р.Н. Уголовное Уложение Великого княжества Финляндского. История создания, основные институты. — Л., 1988.
8. Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. — Ростов-на-Дону, 1904.
9. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — Киев, 1882.
10. Кондрашова Т.В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного уложения 1903 г. // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2003. — Вып. 1 (6).
11. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. — СПб., 2002.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Кн. 1. Понятие права. — СПб., 1914.
13. Наумов А.В. История создания и общая характеристика Уголовного уложения 1903 г. // Вестн. Московск. ун-та. — 1993. — № 5.
14. Ныркова Н.А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующего УК РФ. — Ростов-н/Д, 2006.
15. Оппенгеймер Г. Исторические исследования о происхождении наказания // Новые идеи в правоведении. Сб. третий. Эволюция преступлений и наказания. — СПб., 1914.
16. Перова Г.И. Система наказаний: сравнительный анализ Уголовного Уложения 1903 г. и УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 8–9 апреля 2003 г. — Воронеж, 2003.
17. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и истории создания // Правоведение. — 2003. — № 3.
18. Развитие русского права в первой половине XIX в. / отв. ред. Е.А. Скрипилев. — М., 1994.
19. Рогов С.Г. Политические преступления по Уголовному Уложению 1903 г. // Вестн. СГЭУ «Актуальные проблемы правоведения». — 2006. — № 3 (21).

20. Розенкамф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. — М., 1829.
21. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. — М., 1947.
22. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. — М., 1908.
23. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 г. — М., 1961.
24. Тюнин В.И. Преступления экономические в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. — 2000. — № 4.
25. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик / отв. ред. Ф.И. Калинычев: в 2 т. Т. 1. — М., 1963.
26. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М., 1978.
27. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина. — М., 1948.
28. Фецыч Г.В. К вопросу подготовки и издания Уголовного уложения 1903 г. // Проблемы правоведения. Вып. 41. — Киев, 1980.
29. Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. — М., 1981.
30. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. — М., 1978.
31. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. — М., 1972.

References (transliteration):

1. Belyaev I.D. Istoriya russkogo zakonodatel'stva. — SPb., 1999.
2. Boyko A.I. Sistema i struktura ugovnogo prava: v 3 t. T. 3. Struktura ugovnogo prava i ego identifikatsiya v natsional'noy yurisprudentsii. — Rostov-n/D, 2008.
3. Gertsenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D., Isaev M.M., Utevskiy B.S. Istoriya sovetskogo ugovnogo prava. 1919–1947 gg. — M., 1948.
4. Gorchakov M.I. Tserkovnoe pravo. Kratkiy kurs lektsiy. SPb., 1909. — S. 215.
5. Kanonicheskoe uchenie o prestuplenii izlagaetsya zdes' po proizvedeniyu barona Rozenkampa, sm.: Rozenkampf. Obozrenie Kormchey knigi v istoricheskom vide. — M., 1829.
6. Kizeveter A.A. Iz istorii zakonodatel'stva v Rossii XVII–XIX vv. — Rostov-n/D, 1904.
7. Kistyakovskiy A.F. Elementarnyy uchebnyy obshchego ugovnogo prava. — Kiev, 1882.
8. Konyakhin V.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchey chasti Rossiyskogo ugovnogo prava. — SPb., 2002.
9. Korkunov N.M. Lektsii po obshchey teorii prava. Kniga 1. Ponyatie prava. — SPb., 1914.
10. Nyrkova N.A. Instituty Obshchey chasti ugovnogo prava v istorii sovetskogo zakonodatel'stva i deystvuyushchego UK RF. — Rostov-n/D, 2006.
11. Oppengeymer G. Istoricheskie issledovaniya o proiskhozhdenii nakazaniya // Novye idei v pravovedenii. Sb. tretiy. Evolyutsiya prestupleniy i nakazaniya. — SPb., 1914.
12. Opyt sozdaniya otдел'nykh ugovnykh zakonov dlya razlichnykh territoriy Rossiyskogo gosudarstva sushchestvoval i v imperii. Dostatochno ukazat' na ugovnoe pravo Finlyandii. Sm. o nem: Dusaev R.N. Ugovnoe Ulozhenie Velikogo knyazhestva Finlyandskogo. Istoriya sozdaniya, osnovnye instituty. — L., 1988.
13. Samokvasov D.Ya. Kurs istorii russkogo prava. Izd. 3, ispr. i dop. — M., 1908.
14. Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917–1952 gg. / pod red. I.T. Golyakova. — M., 1953.
15. Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy. T. 15. Zakony ugovnyye. — SPb., 1832.
16. Vladimirovskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. — Rostov-n/D, 1995.
17. Gertsenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D., Isaev M.M., Utevskiy B.S. Istoriya sovetskogo ugovnogo prava. 1919–1947 gg. — M., 1948.
18. Naumov A.V. Istoriya sozdaniya i obshchaya kharakteristika Ugovnogo ulozheniya 1903 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 1993. — № 5.
19. Potseluev E.L. Ugovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g.: prichiny prinyatiya i istorii sozdaniya // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. — 2003. — № 3.
20. Rogov S.G. Politicheskie prestupleniya po Ugovnomu Ulozheniyu 1903 g. // Vestnik SGEU «Aktual'nye problemy pravovedeniya». — 2006. — № 3 (21).
21. Borzenkov G.N. Imushchestvennye prestupleniya v ugovnom ulozhenii 1903 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. — 1993. — № 5.

22. Tyunin V.I. Prestupleniya ekonomicheskie v Ugolovnom ulozhenii 1903 g. // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2000. — № 4.
23. Perova G.I. Sistema nakazaniy: sravnitel'nyy analiz Ugolovnogo Ulozheniya 1903 g. i UK RF // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu na sovremennom etape. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 8–9 aprelya 2003 g. — Voronezh, 2003.
24. Sergeev S.V. Institut souchastiya ot Ugolovnogo Ulozheniya 1903 g. do Ugolovnogo kodeksa 1996 g. // Tam zhe; Smol'yaninova S.Yu. Gosudarstvennye prestupleniya po Ugolovnomu Ulozheniyu 1903 g. // Tam zhe; Kondrashova T.V. Razvitie vzglyadov rossiyskogo zakonodatelya na regulirovanie i okhranu polovyykh otnosheniy. K 100-letiyu Ugolovnogo ulozheniya 1903 g. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2003. Vyp. 1 (6) i dr.
25. Razvitie russkogo prava v pervoy polovine XIX v. / otv. red. E.A. Skripilev. — M., 1994.
26. Romashkin P.S. Osnovnye nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Petra I. — M., 1947.
27. Ugolovnoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki / otv. red. V.N. Kudryavtsev. — M., 1978.
28. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Soyuza SSR i soyuznykh respublik / otv. red. F.I. Kalinychev; v 2 t. T. 1. — M., 1963.
29. Sudebniki XV–XVI v.v. / pod obshch. red. B.D. Grekova. — M.–L., 1952.
30. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. — M., 1961.
31. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. V.D. Men'shagina. — M., 1948.
32. Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh. — SPb., 1845.
33. Fetsych G.V. K voprosu podgotovki i izdaniya Ugolovnogo ulozheniya 1903 g. // Problemy pravovedeniya. Vyp. 41. — Kiev, 1980.
34. Cherepnin L.V. Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniya. — M., 1981.
35. Shchapov Ya.N. Vizantiyskoe i yuzhnoslavlyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. — M., 1978.
36. Shchapov Ya.N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevney Rusi XI–XIV vv. — M., 1972.

Материал поступил в редакцию 12 апреля 2013 г.